

Недавно Михаил Пуговкин, всенародно любимый артист, отпраздновал свое 75-летие. Что и говорить, возраст почтенный, располагающий, казалось бы, к минору, но Михаил Иванович продолжает радовать своих поклонников новыми ролями, неистощимыми шутками, непоказным оптимизмом, который нельзя сыграть, а можно только нести в себе как высшую жизненную ценность...

— Как юбилей прошел, Михаил Иванович? Говорят, к вам в Ялту гостей понаехало со всего бывшего Союза...

— Поверите — нет, но ялтинцы встречают, все в один голос говорят: такого праздника в городе давно не было. Зал на 3 тысячи мест оказался переполнен. Знаменитостей понаехало видимо-невидимо. Вел вечер Сергей Шакуров, выступали Вера Васильева, Надежда Чепрага, Валерий Золотухин, Александр Абдулов, Юрий Богатиков... Мой друг Ян Табачник, которого во всем мире иначе как "золотым аккордеоном" не называют, встал передо мною, грешным, на колени. Я думал ответить ему тем же, да вспомнил, что Ирина Константиновна, моя жена и подруга, брюки накануне наутюжила... Это, как вы поняли, я так шучу — чтоб читатели не подумали, будто интервью с Пуговкиным скучное получается.

Задарили, конечно, меня подарками. Отец Филиппа Киркорова от всего их певческого семейства преподнес мне бронзового орла — символ, как я понимаю, долголетия. Премьер-министр Украины Валерий Пустовойтенко привез из Киева грандиозные часы с движущимися фигурками. Леонид Грач, председатель Верховного Совета автономной Республики Крым, подарил уникальную бутылку какого-то роскошного напитка, произведенного, как и я, в 1923 году. Но попробовать содержимое этой бутылки мне не удалось, кто-то из веселых и находчивых (так я именую про себя оборотистых ребят), видимо, ее за кулисами прихватизировал. Но это, разумеется, праздника мне испортить не могло.

— Говорят, чтобы его провести, вам пришлось продать свою машину...

— Было такое, но пять лет назад, когда я праздновал свое 70-летие. Выхода другого тогда не было, и я продал своего "жигуленка". В этом году, когда 75 лет случилось, местные власти обещали помочь, перечислить какие-то деньги, но ничего не сделали. Выручил Никита Сергеевич Михалков, который оплатил дорогу (или договорился с авиакомпанией, подробностей я не знаю) московским артистам. А их было человек сорок. Он же частично оплатил им проживание в Доме актера. Самое поразительное, что до этого мы с Михалковым знакомы были шапочно: "привет—привет", и все дела. А тут он уважил мои седины, спасибо ему за это.

Кое-что и нам с Ириной Константиновной пришлось потратить, так что теперь сижу я перед вами голый-босый и с тощим бумажником, но, как видите, в хорошем расположении духа.

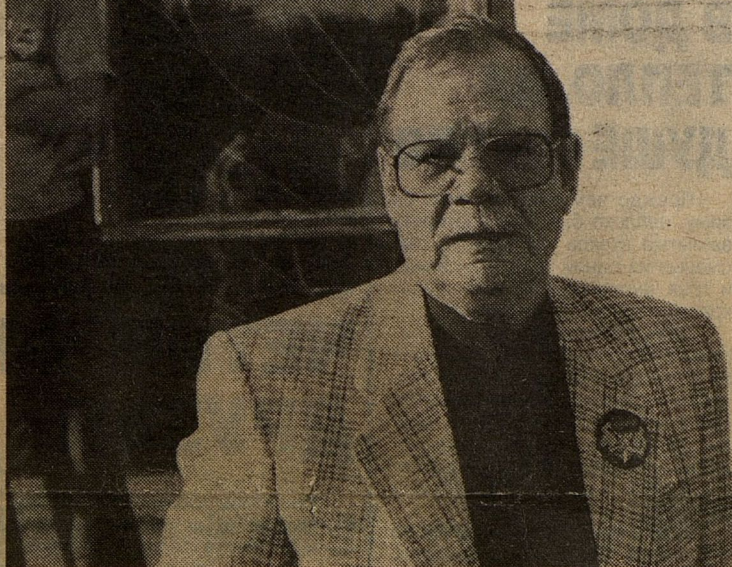
— Скажите, Михаил Иванович, 75 лет — то же самое, что 74, или, как говорят в Одессе, это две большие разницы?

— Ну после семидесяти каждый год идет за два, а то и за три, так что 75 — совсем, увы, не то, что 74. Это гораздо хуже. Но я не комплекую по поводу своих лет. Здесь на фестивале (наш разговор происходил в Анапе, во время проведения "Киношока") много моих коллег, которым за 80 — это и Георгий Степанович Жженов, и Владимир Михайлович Зельдин, и Лидия Николаевна Смирнова, которая, надеюсь, простит меня за то, что я выдаю ее возраст. Так вот представьте: они все на редкость бодрые, жизнерадостные, у них так горят глаза...

— Стало быть, у преклонного возраста есть не только недостатки, но и преимущества?

Михаил ПУГОВКИН:

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО ИЗДАЛЕКА ВИДНО

— Да, представьте себе. С годами приходит особый вкус к жизни, нас посещает высшая мудрость, досадные мелочи уже не ранят так, как прежде. Если раньше кто-то из знакомых не поздоровался со мной, я, помню, переживал, мучился, разгадывал, в чем тут причина. А сейчас думаю: ну и гуляй себе мимо. А я спокойно пойду своей дорогой.

Я делю человеческую жизнь, и свою в том числе, на три, условно говоря, периода. На безмятежную, бесшабашную молодость, когда мы себя без устали растрчиваем. На зрелую пору, когда приходит время "собирать камни". И, увы, на неизбежную старость, которую, считаю, надо встречать достойно, с гордо поднятой головой. Что я и стараюсь делать, хотя, признаюсь, это нелегкая задача. Для того чтобы красиво пройти финишную прямую, от человека требуются большие волевые усилия. Я включил в последние годы все остатки воли, какие у меня только были и есть. Я хожу прямо, я одеваюсь аккуратно, я не теряю присутствия духа, стараюсь шутить, улыбаться, и людям, вижу, это ужасно нравится. Они смотрят на меня и говорят: о, глянька, Пуговкину уже 75, а он в полном порядке. Что, кстати говоря, в общем и целом соответствует истине.

— Кто-то из сатириков, помнится, пошутил в том смысле, что нелегко "собирать камни", когда они сыплются из собственных почек.

— Неплохо, черт побери, сказано. Уж поверьте мне, почечнику со стажем. Ну что ж, могу дать совет вашему юрису: как только начинаешь ломить в пояснице — пусть сразу прыгает в горячую ванну. Мне лично это всегда помогает.

— Ванна ванной, а в море-то вы плаваете? Благо живете теперь в благословенной Ялте, где можно резвиться в воде едва ли не круглый год.

— "Плавать", "плавание" — это для меня уже громкие слова. Я купаюсь, освежаюсь — так будет точ-

нее. Море люблю, последние семь лет оно мне прямо в окна заглядывает. Но окунаться начинаю не раньше чем вода прогреется до 22 градусов.

— Скажите честно: вам не скучно в вашей тихой крымской обители? Не хочется, подобно чеховским сестрам, "в Москву, в Москву, в Москву"? —

— Всем кажется, что я тоскую по Москве, а мне в Ялте очень хорошо, комфортно живется. Я не чувствую себя оторванным от жи-

телей. Они тебя кормят, и это надо ценить". Вот так я его, говоря шутишь, словом, срезал. Кажется, он после этого что-то понял.

— Земля полнится слухом, что по дороге из Ялты в Анапу вашу машину восемь раз останавливали постовые милиционеры, чтобы в той или иной форме выразить свою признательность.

— И останавливали, и наливали, и тосты в мою честь говорили. Они меня передавали друг другу по рации, как эстафетную палочку. А

Вам 75 лет, и вы народный артист. В следующий раз позвонят с предложением дать концерт, вы первым делом вопрос: "А кто финансирует?" Моя беда, что я никогда не умел выговаривать эти два слова — "кто финансирует?" А сейчас учиться уже поздно.

Тут ко мне как-то три армянина пришли из фирмы "Три кита". Мужики — огромные такие лбы. В каждом — три меня. Хотели с моим участием десятисерийный фильм снять за три месяца, это же ка-

вообще-то когда у меня спрашивают пропуск, я обычно делаю, может быть, дешевый, но действенный трюк — снимаю очки и говорю: "Вот мой пропуск". Действует безотказно. Меня нигде и никто не проверяет, не просит предъявить документы, в багажник не заглядывают. Когда, не дай Бог, у нас опять введут "сухой закон" — я запросто смогу привезти вам из Крыма бутылку-другую вина.

— Заранее благодарен. Кстати, насчет спиртного... Как выходите из ситуации, когда почтенные предлагают опрокинуть стопочку-другую? Или немедленно соглашаетесь?

— Мне знакомый артист как-то с укоризной сказал: "Старик, ты слишком доступный. Это неправильно". Нет, это правильно, — ответил я ему, — я никогда не буду голодным, меня зрители всегда накормят, иногда — а то и часто! — напоят". Я действительно доступный, но, конечно, до известных пределов. Ибо если бы я принимал все приглашения выпить, то меня давно бы не было на этом свете. Как я спасаюсь? А слово одно заветное знаю. Вот иду как-то по улице, а два тепленьких дружка уже давно и мучительно третьего ждут. Засекли меня, обрадовались: "Михалыч, иди к нам!". Я подхожу и с достоинством так роняю: "Ребята, я в завязке". Один еще попытался меня поугуговаривать, а другой ему веско так: "Не трогай Михалыча, он в завязке, это святое".

— Но иногда, подозреваю, все-таки "развязываете"?

— "Развязываю", и ничуть об этом не жалею. Вот на днях "тусовался" до четырех часов утра, чокался со всеми подряд — назавтра был весь разбитый. Но если принимать изредка и поменьше — ничего, кроме пользы, считаю, не будет. Главное в этом деле — уметь вовремя остановиться. Про меня один знакомый режиссер так сказал: "Михаил Иванович, ты не пьяница, не алкоголик, ты нормальный российский гуляка. Если ты загулял — это серьезно". И впрямь, когда я изредка себе позволяю, я оплачиваю все счета, всех угощаю... Утром просыпаюсь — никого нет. И в кармане ничего нет. Где же все те, которые еще вчера вечером называли меня великим, гениальным, единственным и неповторимым? Нет мне ответа.

— Подозреваю, на вашу пенсию не очень-то разгуляешься...

— Пенсия у меня и впрямь не шибко большая, невзирая на то, что я инвалид Великой Отечественной войны. Но я продолжаю трудиться и что-то зарабатываю. Правда, наверное, меньше, чем мог бы. Меня все мой друг Юрий Иосифович Богатиков воспитывает. Он живет в Симферополе, звонит, случается, вечерами: "Михаил Иванович, где выступали?" — "В воинской части". — "Сколько получили?" — "Нисколько". — "Вы что, ребенок маленький?"

торжная нагрузка. При этом нигде не записано, когда заплатят и сколько. На все вопросы отвечают, что, мол, не обидят. Подумал я и не стал ввязываться в это дело, лучше по парку в свободное время погуляю.

— А вообще-то снимаетесь?

— А как же. Недавно, например, в эротической комедии засветился. "Аморальная история" называется. Слава Богу, никаких сексуальных подвигов по сюжету я не совершаю, а только всякие байки "солёные" рассказываю. Ирина Константиновна моя посмотрела, говорит, смешно, не похабно получилось.

— Здесь, на фестивале, вы меня приятно удивили искренним и трогательным исполнением русских романсов. Такого Пуговкина я еще не видел.

— По линии вокала — это я позволяю себе только в тесной компании. Особенно если предварительно немного принять "наркоза". В отличие от вождя для меня самое главное из искусств — отнюдь не кино, а музыка. Она творит со мной буквально чудеса. Но выйти на сцену и спеть перед народом — к этому я внутренне не готов. Хотя друзьям иногда доставляю удовольствие. Если они, конечно, не лукавят.

— И последнее... Скажите, Михаил Иванович, жизнь — штука веселая или все-таки грустная?

— Она очень разная. Когда люди не получают месячными зарплату — это очень печально и горько. Но когда я слушаю президента России — я хохочу, как ненормальный. Меня Райкин и тот не смог бы так рассмешить. Возьмите, например, Билла Клинтона. Руководитель процветающей державы, а ничего из себя не строит, не выделяется. Говорит нормальным голосом нормальные вещи. А Ельцин? Через каждое слово — многозначительная пауза. "Сегодня — пауза — я — пауза — президент — пауза — России" — продолжительная пауза. Где это видано, чтобы премьер-министра сначала с треском снимали, а через пару месяцев опять возвращали? Это же абсурд. И не мы с вами, простые люди, этому абсурду причиной. Рыба гниет — сами знаете откуда...

И тем не менее мы живем в очень интересное время. Лично мне хочется пожить еще немного, чтобы увидеть, чем и как закончится этот грандиозный спектакль, который развивается то в жанре высокой трагедии, то абсурдистской комедии, то незатейливого фарса. Меня спрашивают иногда, увидим ли мы когда-нибудь свет в конце тоннеля? Пока этот свет, скажу честно, не просматривается. Но я верю, что каждый из нас может взять спички, зажечь свечу, фитилек какой-нибудь и тогда, возможно, мы до конца этого проклятого тоннеля все-таки доберемся?

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.
Фото автора.

Пуговкин М. И.

2.10.98.